

Литературное объяснение

(Письмо к редактору "Московского наблюдателя")¹

Белинский В. Г. Собрание сочинений. В 9-ти томах.

Т. 2. Статьи, рецензии и заметки, апрель 1838 -- январь 1840.

Ред. Н. К. Гей. Подготовка текста В. Э. Бограда. Статья и примеч. В. Г. Березиной.

М., "Художественная литература", 1977.

[OCR Бычков М. Н.](#)

Есть люди, с которыми ни о чем не хотелось бы говорить, и есть вещи, о которых ни с кем не хотелось бы говорить. Журнальный мир особенно богат теми и другими, и тех и других очень легко оставлять в покое, хотя бы они и беспокоили вас, нападая на ваши мысли, взгляды, чувства. Но когда какое-нибудь журнальное *инкогнито*, нападая на вас, искажает ваши мысли, дает им превратный толк, приписывает вам то, чего вы никогда не думали, то почему же вам не оправдаться -- разумеется, не перед ним, не перед этим *инкогнито*, а перед тою частию публики, которая могла бы поверить ему на слово? -- Ведь быть без вины виноватым, перед кем бы то ни было, очень неприятно.

Моя статья о "Гамлете", которой ваша снисходительность дала приют в вашем журнале, была первоначально назначена в "Сын отечества", но как-то попала в "Северную пчелу" -- честь, которой я совсем не ожидал. По крайней мере начало моей статьи было помещено не помню в котором Но этой газеты. Все это очень обыкновенно; но вот что несколько странно: в 2 Но "Сына отечества" вдруг появилась привязчивая выходка против начала моей статьи². И это еще не так удивительно: удивительнее то, что редакция "Сына отечества" не почла себя обязанною дать мне вполне высказаться, а почла себя вправе бросить в меня из-за уголка камушком -- не могу сказать, от себя ли, или через кого другого, только *инкогнито*... Не правда ли, что это очень удивительно?.. Сначала я и сам дивился и не мог ничего понять, но теперь уже *ничему* не дивлюся и *все* понимаю...

Неизвестный автор выходочки, г. А. М., начал свое нападение на меня с того, что, вырвав, сообразно с своею целию, одну мою фразу, заставил меня уверять, будто бы "эстетическое образование нашего общества есть не более, как мода". У меня эта мысль выражена предположительно, для яснейшего вывода истины: г. А. М. распорядился ею по-своему и думает, что он прав. Желая ему оставаться в лестной для его самолюбия уверенности в победе, но защищаться не хочу: он сражается не со мною, а с призраком, им же самим созданным. Замахнувшись на этот призрак каким-то доводом, который, по своей ясности, походит и на силлогизм и на шараду вместе, он заключает: "Это, кажется, понятно". Очень!..

Потом г. А. М. спрашивает меня, что я разумею под словом "наше общество". Как прикажете отвечать на такой наивный вопрос? -- "Россию или Москву?" -- продолжает допросчик.-- И то и другое, милостивый государь, только не вас -- не пугайтесь.

Далее г. А. М. с не меньшею наивною удивляется тому, что я перевод "Гамлета" на русский язык отношу к русской, а не к китайской и не санскритской литературе. Впрочем, и тут еще мало удивительного: может быть, г. А. М. и в самом деле не знает, что переводы на русский язык принадлежат к русской литературе; но странно, что и редакция "Сына отечества" думает об этом согласно с г. А. М.

"К свежему и мощному русскому духу слабо привился гнилой французский классицизм" -- на эту мою фразу г. А. М. напал с особенным торжеством. Сперва он уверяет, что классицизм не вздор и что каждая литература имела его (не исключая и восточных); потом уверяет, что классицизм ни одной литературе не сделал вреда и ни одной литературы не лишил ни одного дарования. Что отвечать на это?..

Да, конечно, классицизм не лишил ни Англию, ни Германию (в Испании его совсем не было) ни одного дарования. В первой если и был классицизм, то в литературное владычество ограниченных людей, и тотчас рухнул, как явились Байрон и В. Скотт с дружиною мощных сподвижников. Та же участь классицизма была и в Германии; ему поддались только бездарные люди, и если Виланд, человек с дарованием, был увлечен французским классицизмом, то уж, верно, не в своем "Обероне". Вы как думаете, г. А. М.? Да, субстанции английского и германского народа слишком огромны, чтобы позволить спеленать себя гнилыми пеленками французской эстетики, и если первая и позволила на минуту